Часть 1.

Самое яркое воспоминание детства

Это отъезд нашей семьи из Одессы в эвакуацию. Отец работал в так называемой Оперативной группе по управлению Одесской железной дороги. Когда началась война, и стало ясно, что немцы с румынами вот-вот подойдут к городу, ему поручили вывезти архив Железной дороги в Казахстан. И мы двинулись всей семьей на поезде. К одному из составов прицепили вагон с архивом и уехали. Это было буквально за несколько дней до того, как немцами была прорвана оборона Одессы, дальше можно было выехать только морем. Помню, по пути мы попадали под бомбардировки. Мне было 7 лет. Мне кажется, у меня вообще страх отсутствовал, я просто наблюдал за тем, как в окнах нашего вагона пролетают самолёты, падают бомбы, как все прячутся, куда-то бегут...

Отца распределили на Карагандинскую железную дорогу. В Казахстане мы провели почти два года, потом двинулись на Урал, в Нижний Уфалей. Мои тогдашние основные чувства в эвакуации - частый голод и холод.

Из эвакуации в Одессу отец вернулся раньше нас с мамой, снова получил комнату, в которой мы жили до войны. А осенью 44-го года вернулись мы. Одесса была только-только освобождена от немецких и румынских захватчиков. Они отступали, но еще бомбили. Помню, застал сильную бомбежку в городе и тогда, 10-летним пацаном ощутил на себе, что значит война. Собственно, именно после возвращения из эвакуации началась моя сознательная жизнь. Все достижения страны я переживал как свои. Следил за всеми сводками с фронта. Красная армия к тому моменту шаг за шагом продвигалась к победе. И в 45-м эта долгожданная победа пришла. Помню марш в Одессе на день победы... На меня, мальчишку, победа естественно произвела огромное впечатление.

Это, пожалуй, самое яркое воспоминание детства.

Идиш

Я жил в Одессе. У меня папа был партийный, из бедной семьи, он плохо знал еврейский язык, но знал. Мама моя была из глубокой еврейской среды в местечке около Винницы – она знала. Но я-то ничего не знал. Мне важно было понять марксизм-ленинизм и все вокруг этого, а что там идиш может мне сказать! Это меня совершенно не касалось. Очень жалею об этом.

Профессия

Я начал свой путь в экономическую науку с того, что не имел к ней никакого отношения.

Короче говоря, был у меня приятель, который имел папу декана геолого-географического факультета Одесского Университета, а я очень любил географию. О том, что есть такая наука экономика – я не знал. Я тогда хотел идти на географию. Меня предупредили, что там на евреев одно место, и уже взяли

моего соученика, который был более близким другом этого самого сына декана, чем я.

После этого я выбрал второе мое хобби – архитектуру. Пошел в Строительный институт одесский, где был архитектурный факультет. Но как раз в это время начались стройки коммунизма, и Строительный институт был переименован в Гидротехнический, архитектурный факультет закрыли, и я попал на факультет речной, морской и ПГС (промышленное гражданское строительство). Я вместо архитектуры сдал экзамен по рисунку и пошел в ПГС. На четвертом курсе примерно, я понял, что это не мое. Вот ПГС, потом мастером на стройки, наряды и все такое – это все-таки не мое.

А куда меня тянуло? Меня тянуло в экономику, теперь я уже понял, что за экономика. Я написал письмо на экономический факультет МГУ. Парень я был с амбициями, мне хотелось побольше - только не думайте, что амбицией моей было набить карман, или добиться славы – мне хотелось причащения к каким-то знаниям... Место, где это все водится – это Московский Университет. Вот написал я туда и меня приняли – после окончания строительного института и после того, как я проработал год на стройках. Поступил на заочное. На дневном я уже отучился. Отец обещал помочь. “Ты иди, получи человеческую специальность, чтобы ты мог зарабатывать. Если ты после этого будешь хотеть еще изучать экономику, ну как-то будем тебе помогать”.

Коммунист

Я был очень преданный коммунист. Может быть, я особенно старался быть преданным, потому что я знал, что евреи выживают в нашей стране только в том случае, когда переплюнут других насчет преданности и всего такого. Тем более, что осенью 52-го года началось “дело врачей” и так далее. В общем, это было довольно стремное дело. Потом в дальнейшей жизни мне больше не приходилось сталкиваться с этой проблемой – после того, как я попал в Московский университет. Ну, я, как бы не предъявлял слишком больших претензий, но с другой стороны, то что мне подворачивалось было достаточно интересно. Короче, это было время, когда я был предан марксизму, коммунизму, и тогда центральным звеном нашей идейной жизни на факультете были споры между теми, кто утверждали, что мы уже имеем коммунистическую систему, что у нас уже не товарное производство, и что наша жизнь – это уже не то, что было раньше.

А дальше сложилась такая ситуация. В 53-м году умер товарищ Сталин, в 54-м – я почувствовал, что он свою вечную славу не удержит. Потому что появилась книжка Ильи Эренбурга, которая называлась «Оттепель». Ну, я ее прочитал. Сказать, что я полностью проник в ее содержание и прочел те предсказания, которые она в себе содержала, не могу. Я ее понял только в 56-м году, когда был на практике в Москве. Меня мои друзья пригласили в Литературный институт, там выступал Эренбург, и когда все закончилось и его ругали: «Вас все критикуют за то, что пока был жив Сталин, вы его хвалили, а теперь вы начали критиковать, что это за дела?». Он тогда сказал: «Дорогие мои коллеги, я вам хочу сказать, предметом моей гордости является то обстоятельство, что я «Оттепель» написал в 54-м году, а не в 56-м».

Ясности у меня в голове не было. Мне было около 30 лет (27-мь или 28-мь), я был уверен только в одном – в своих способностях. Брал на себя ответственность за

то, чтобы говорить, не очень давая отчет в том, что я говорю – важно было говорить красиво. Я характеризую себя так, как подходит пожилому человеку характеризовать себя в молодости коммунистической. Возможности получать более объективные знания были ограничены и первые такие источники были книжки типа Эренбурга, Дудинцева... В конце 50-х у нас в обиходе появилась книжка Леонида Витальевича Канторовича «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов». Это уже серьезная наука. Самое главное, что марксисты на нее со страшной силой набросились, поскольку теория была максимально полезной и все это проникнуто «буржуазным каким-то духом». Я взял книжку эту с твердым намерением разоблачить, и вместо пустяков, которые говорили мои единомышленники, разобраться и написать обоснованно и как надо. Но я начал ее читать и закончил другим человеком. Я утратил веру в коммунистическое учение.

Я, когда взял читать Канторовича, заготовил себе те критерии, которые я буду применять к этому тексту, чтобы сделать выводы и доказать, что вот таким-таким критериям эта теория не соответствует, поэтому она противоречит марксизму. Но, когда я стал читать, каждый раз все мои критерии отбрасывались, в том смысле, что они все соблюдались. Это был строгий рационализм, очень показательный. Там не говорилось, что марксизм неправильный, но просто становилось ясно, что господствовавшая западная экономическая теория и теория предельных полезностей – она правильная.

Либерал

Есть такие моменты, когда люди молодые переживают самые важные события в жизни – для них же, а не для страны. Вот у меня это было то время, когда я прочитал книжку Канторовича, когда я женился, когда окончил университет и пошел работать.

Я пошел работать в Институт статистики, он был создан параллельно с Центральным экономико-математическим институтом. И там, и там была определенная идейная подоплека, потому что ЦЭМИ был создан для того, чтобы реализовать то, что было сказано Леонидом Витальевичем Канторовичем.

Но от марксизма во мне что-то осталось: твердое убеждение в том, что рационально и полезно только научное, которое обладает такими свойствами, которые проявляются в трудах Ньютона, Локка и других великих ученых. А если вы начинаете прибегать ко всякого рода чудесам, верите в христианского бога, или мусульманского, или еще в кого-то, то вы отступаете от этого. И вот эта убежденность в том, что позитивная наука, подтвержденная разного рода экспериментами – существует, а то, что не подтверждено – это из области гипотез, предположений. Вы можете их придерживаться, но знаете, что это еще не доказано. Мы агностики, как называл себя Егор Гайдар. Когда приставали к нему с вопросами, как он насчет православия, он говорил: «Я агностик».

Я был бы рад, если бы вы смогли передать мой идиотский характер. Он есть – куда деваться. И он меня делает счастливым человеком.

Значит, следующий барьер: мы представляли тогда теорию оптимального планирования – именно это было написано в книге Канторовича. Суть

заклучалась в том, что надо было решить – плановое хозяйство вообще имеет право на жизнь или все-таки нужно повернуться к рынку.

Но потом я пришел на семинар в Центральный экономико-математический Институт, он был открыт где-то накануне ухода Хрущева. На семинаре выступал Виктор Александрович Волконский, замечательный ученый, экономист, математик, он и сейчас работает в ЦЭМИ, дай Бог ему здоровья, он немножко старше меня. И он выступал с докладом, в котором выражал главную мысль: он сравнивал достижения в мировой экономической науке, общую теорию равновесия с теорией оптимального планирования, которая где-то в это время получила Нобелевскую премию. Тьяллинг Купманс и Канторович получили Нобелевскую премию «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов». Она была за создание линейного программирования. Так вот, Волконский доказывал, причем очень изящно, что теория оптимального планирования – она является частным случаем общей теории равновесия. Есть такое направление, которое предполагает, что можно построить модель, собрать необходимые данные, то есть вести расчеты, и вы потом точно знаете, что надо делать. А другая теория говорит о том, что есть рынок, есть множество экономических агентов, которые между собой взаимодействуют и, в результате этого всего, получается некое приближение к оптимальным результатам. Не то, что в точности, но тем не менее, вся хозяйственная система регулируется, и вы выходите на такие, близкие к оптимальным, результаты. То есть это план или рынок? Это был следующий вопрос.

Я послушал Виктора Александровича и понял, что я зарыт. Вот эти два принципиальных вопроса: марксизм или не марксизм, и второй – план или рынок. Это я уяснил себе где-то в 60-х годах – после того, как началась Косыгинская реформа. И определение моего теоретического лица на этом было закончено, потому что я стал либералом. Я стал сторонником теории рыночной, теории экономического либерализма.

А третье событие, которое определило мою жизнь, случилось в 1968 году - ввод наших войск в Чехословакию. На этом моя вера в то, что можно что-то сделать из коммунистической системы, закончилась – я решил, что должны быть серьезные реформы, которые изменят тот строй, в котором я живу.

И до 1988 года было такое время, когда иногда мне казалось, что меня заживо похоронили.

Часть 2

Фото - Екатерина Рерберг.

Реформатор

Я помню первый свой совершенно открытый разговор с человеком, с которым мы учились вместе – Слава Бессонов. Сейчас он профессор, по-моему, даже у нас (в НИУ ВШЭ – прим.ред.) работает. В 72-м году он мне сказал: «Я удивляюсь, как эта страна, эта система еще живет. Она должна была бы уже завалиться». Мы

разделили это мнение, нам казалось, что радикальные и серьезные изменения в жизни этой страны обязательно произойдут, но, когда – мы не могли сказать. Поэтому попрыгались, разошлись в разные стороны и жили.

Я ушел от экономики, стал заниматься информатикой. Сидел в НИИ ЦСУ, моя первая книжка была информатическая. Но где-то в 78-79 годах я каким-то нюхом почувствовал, что дело скоро вернется к тому, что я оставил, что нужно возвращаться обратно, и заниматься экономической работой.

Я работал в ЦЭМИ и принимал участие в рабочей группе, которая помогала комиссии по экономической реформе при правительстве СССР, когда состоялся Первый Съезд народных депутатов и Абалкина позвали на пост вице-премьера и на председателя комиссии по экономической реформе. А один мой знакомый работал у него помощником. И он у меня спросил: не хотите пойти работать в правительство? Я ему сказал: «Да, я готов». Он сказал об этом Абалкину, и Абалкин пригласил меня. А кроме меня он пригласил Явлинского. Вот мы и работали вместе в этой комиссии на должностях начальников отделов. До этого я близко не имел понятия об аппарате правительства, потому что до этого я был заведомом в ЦЭМИ. Нас взяли и дали первое поручение – после съезда народных депутатов - написать документ-концепцию перехода к рыночной экономике.

И вот первым таким документом стала наша концепция, которая докладывалась Абалкиным осенью 89-го года в Доме Союзов. Он сам своими словами говорил, но участникам была роздана концепция, которая была написана мною и Явлинским вместе. Была большая руготня, по улице ходили демонстранты под лозунгами «Долой абалканизацию всей страны!».

Эту концепцию одобрили, она получила дальнейший ход, но только до Второго Съезда народных депутатов, где много нашлось сторонников коммунистических убеждений, которые требовали прекратить это безобразие, и решили, что развивать рыночную экономику – это полная ерунда.

Тогда было принято решение, что переход на рыночную экономику откладывается на 2 года, пока принимается двенадцатая пятилетка. Мы с Явлинским стали уговаривать Абалкина, чтобы он подал в отставку и начал борьбу с правительством Рыжкова. Он ничего этого не сделал, и мы были очень напряжены.

У Абалкина нашлось два приятеля. Один из них – Михаил Михайлович Задорнов, еще один был – Алексей Михайлов. Они вместе с Явлинским написали документ, который назывался «400 дней». И это было уже в марте или даже раньше – в феврале 90-го года. Я уже сейчас не помню почему, но в этом виде мы ее не взяли. Она меня не очень по содержанию устраивала, потому что там был главный акцент на приватизацию, а мне более важно было добиться определенных макроэкономических изменений, которые задавали основные параметры рыночной экономики. Которые потом могли бы развиваться, и внутри них могла бы идти приватизация и так далее. И был момент, когда я сказал, что «400 дней» писал не я, что это Явлинский – к нему обращайтесь. В результате чего Явлинский стал заместителем председателя правительства Российской Федерации. После чего была стычка Горбачева и Ельцина, но они нашли какой-то компромисс, и решили, что будут вместе работать над тем, как планировать

экономику. Собственно, они и решили, что давайте сделаем программу – это программа по переходу к рынку. Ее мы назвали «500 дней». Та программа, которую реализовывал Гайдар в 92-м году, она была очень близка к тому, что мы написали в «500 дней». Но, когда мы с Явлинским писали записку для доклада Абалкина, я был сторонником умеренного подхода и убедил в этом Явлинского, по крайней мере, он ко мне присоединился. Я доказывал, что нельзя устраивать в обществе бардак, должен быть процесс, в течение которого люди привыкают, приспособляются... Но потом мы посмотрели на реформы, которые проводил в Польше Бальцеревич, и я понял, что с нашей колоссальной бюрократической машиной сделать что-то такое, что должно работать, лучше сразу, потому что иначе не победить те нравы, которые бытовали, привычка к которым, несомненно, будет оказывать обратное давление. Я понял, что в наших условиях лучше провести быстрый маневр, который назвали шоковой терапией.

...Проблема финансовой стабилизации была решена Чубайсом, под руководством Чубайса, примерно в 96-97-ом году, уже после приватизации. Тогда только появились крупные олигархи и купили крупные куски государственной собственности, после того, как мы добились снижения инфляции до 11%.

Приватизация и финансовая стабилизация – это дело Чубайса по завершении той программы, которая называлась с самого начала «500 дней». А все остальное было сделано – это были: либерализация экономики, переход на свободные цены, открытие экономики свободной – въезд/выезд, торговля, переход на свободный курс рубля, который состоялся в 92-м году, а в 93-м был установлен рубль российский, и так далее. Финансовая стабилизация была записана, как условие того, что либерализация закончится восстановлением нормальных цен.

Смысл жизни

Смысл жизни - в отношении человека к этой самой жизни, к тому, как она развивается лично у него. Перед вами пример человека, которому повезло. Хотя вряд ли моя жизнь может быть предметом зависти, особенно разбогатеть мне не удалось. Но я к этому и не стремился. Судьба зато предоставила мне возможность лично поучаствовать в реформах, которые меняли лицо нашей страны. Я был не просто наблюдателем, а именно участником главных поворотных событий в России в 90-х. Так что если подводить итог, то оглядываясь назад, я могу сказать, что удовлетворен жизнью: всё, что хотел осуществить, осуществилось.

Для меня самые яркие годы – именно начало 90-х, когда в России местами происходила настоящая революция. Это был исключительно важный для нас и нашего будущего период. В это время я познакомился с Егором Гайдаром, человеком, на которого равнялся, с которым дружил и с которым мне посчастливилось осуществить изменения в стране. Гайдар был большим достижением и настоящей удачей для страны.

Самый высокий рывок в развитии пришелся на время правления Бориса Николаевича Ельцина. Если Горбачёв лишь обозначил поворот к демократическому устройству, то Ельцин повел страну в совершенно новом направлении. Убежден: тогда произошли самые большие достижения в истории

России, мы окончательно расстались с коммунистическим прошлым, провели существенные реформы и честно и открыто пришли к рыночной экономике. Это был хоть и небольшой период - правительство Гайдара было у власти всего год - но это были самые лучшие годы. Да, мы сейчас тоже живём в стране с рыночной экономикой. Но нынешняя рыночная экономика худшего качества, нежели та, что была при Гайдаре. В стране, где свыше 20 лет сохраняется авторитарное правление, иначе быть не может. Увы, произошло отступление от всех достижений 90-х.

Определяющие черты современной России

Самодержавие, православие и народность. Эта теория русского антиковеда и государственного деятеля, министра народного просвещения Сергея Уварова актуальна и в наши дни.

Сегодня вся государственная система приспособлена к тому, что нами правит один и тот же человек, повторяюсь, уже свыше 20 лет. Трудно назвать это достижением для страны. Скорее это достижение лишь для этого человека лично.

Еще одна из черт - у многих российских чиновников ложное понимание патриотизма. Под патриотизмом они понимают служение Путину, а не служение стране и людям.

Самое страшное для человека в жизни

17-й год, большевизм, сталинизм, репрессии. Самое страшное – попасть в условия жизни террористического управления страной, режима, при котором граждан незаконно преследуют, сажают и расстреливают. Страшные времена были в нашей истории...

Счастье

Счастлив человек или нет, зависит от того, какова его семейная жизнь. В 30 лет я женился на своей жене, с которой мы прожили счастливую жизнь. Почти 50 лет были вместе. Главное - у меня был тыл, семья, любимая женщина рядом, прекрасная дочь и внучка... Что еще нужно для счастья? Если бы была возможность позвонить в прошлое, я бы позвонил жене, моей Лидии Алексеевне. Мне повезло, что мы с ней встретились. К сожалению, она уже умерла. А соблазна жениться второй раз у меня не было. Жена составила мое главное счастье.